ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 11 | 2026. Volume 19. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Скрытая маскулинизация нейтральных наименований лиц как зона конфликта (по результатам экспериментального исследования)

Влавацкая М. В., Островая Ю. С.

Аннотация. Цель исследования заключается в определении гендерных маркировок в наименованиях лиц с последующим выявлением лексем, характеризующихся высокой дисперсией оценок. Научная новизна исследования обусловлена результатами психолингвистического эксперимента, направленного на определение гендерной принадлежности нейтральных номинаций лиц в русском языке. В результате эксперимента установлено, что семантическая категория «лицо» подвержена скрытой маскулинизации. Нейтральные номинации типа «прокурор», «судья», «ректор» когнитивно причисляются к маскулинным. Оценки респондентов распадаются не на две (маскулинное и феминное), а на три группы: гендерно-маркированные «маскулинные» (среднее ⩾ 4,5), гендерно-нейтральные (среднее ⩽ 4,5, но больше 3,3) и гендерно-маркированные «феминные» (⩽ 3,3), что позволило детализировать картину гендерной асимметрии в языковом сознании. Новым является выявленный тип слов с высокой дисперсией оценок: «байкер», «босс», «политик», «клерк», «шеф-повар» (дисперсия > 1,1734). Данные единицы сочетают среднестатистическую оценку (маскулинную) с отсутствием устойчивого гендерного стереотипа, что демонстрирует наличие «зоны конфликта» между нормативным равноправием и когнитивными стереотипами. Так, маскулинный образ выступает прототипической формой, относительно которой конструируется представление о профессии и ролевой идентичности.

EN

Covert masculinization of gender-neutral terms denoting persons as a zone of conflict (evidence from an experimental study)

M. V. Vlavatskaya, U. S. Ostrovaya

Abstract. The study aims to identify gender markings in terms denoting persons and, subsequently, to reveal lexical items characterized by a high variance of ratings. The novelty of the study is grounded in the results of a psycholinguistic experiment designed to determine the gender attribution of gender-neutral terms denoting persons in Russian. The experiment established that the semantic category “person” is subject to covert masculinization. Gender-neutral terms such as “прокурор” (“prosecutor”), “судья” (“judge”), and “ректор” (“rector”) are cognitively classified as masculine. Respondents’ ratings fall not into two groups – masculine and feminine – but into three: gender-marked “masculine” (mean ⩾ 4.5), gender-neutral (mean ⩽ 4.5 but greater than 3.3), and gender-marked “feminine” (⩽ 3.3). This enabled a more detailed picture of gender asymmetry in linguistic consciousness. A newly identified type of words with a high variance of ratings includes “байкер” (“biker”), “босс” (“boss”), “политик” (“politician”), “клерк” (“clerk”), and “шеф-повар” (“chef”) (variance > 1.1734). These units combine an average masculine rating with the absence of a stable gender stereotype, demonstrating the existence of a “zone of conflict” between normative gender equality and cognitive stereotypes. Thus, the masculine image functions as a prototype against which ideas of a profession and role identity are constructed.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена потребностью в комплексном изучении языкового сознания носителя языка и необходимостью выявления скрытых за нейтральностью слов механизмов андроцентризма. Также существует необходимость тщательного анализа и теоретического описания проблемы

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260553

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

гендерной асимметрии в языке, включающей феномен скрытой маскулинизации. Учитывая высокую степень динамичности языкового сознания, которая в последнее десятилетие характеризуется нестабильностью, и важность верификации данных посредством психолингвистических экспериментов, способы решения указанных проблем делают тему исследования не только актуальной, но и чрезвычайно значимой для современной лингвистической науки.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить задачи как теоретического, так и практического плана, а именно:

1) описать теоретические основы исследований по изучению языкового сознания, а также по гендерной лингвистике, когнитивной семантике и теории стереотипов;

2) провести ассоциативный эксперимент среди респондентов и сделать среднестатистический подсчёт реакций для определения гендерных маркировок нереферентных наименований лиц с целью их разделения на гендерно-маркированные (маскулинные и феминные) и гендерно-нейтральные;

3) провести дисперсионный анализ оценок для выявления слов с высокой дисперсией оценок и установить соотношение между нормативной гендерной нейтральностью наименований и фактическими стереотипами у носителей языка;

4) охарактеризовать маскулинный образ в языковом сознании как прототипическую норму, относительно которой конструируется представление о деятельности и профессиональной идентичности.

Материалом настоящего исследования послужили 107 нереферентных наименований лиц – слов, функционирующих вне отнесённости к конкретному, единичному денотату: *прокурор, судья, ректор, директор, байкер, босс, политик, клерк, шеф-повар, жадина, обжора* и т. п.

Лексемы были отобраны в соответствии с исследованиями, проведенными Ш. М. Кеннисон и Дж. Л. Троф (Kenninson, Trofe, 2003), у которых в качестве стимулов выступили 405 имен существительных: 1) указывающие на определённый социальный статус и 2) именующие лиц по трудовой деятельности, виду занятий, пристрастию к чему-либо и т. д.

Выборка экспериментального материала осуществлялась с установкой на функциональную неоднородность: основу списка составили единицы с выраженной идентифицирующей функцией *(политик, конгрессмен, босс)* и единицы с преимущественно характеризующей функцией *(вредина, обжора, неряха)*, что позволило сопоставить разные типы гендерной маркированности внутри одной семантической категории «лицо». Данные психолингвистического эксперимента (300 анкет: 150 респондентов мужского и 150 женского пола, относительно уравненных по возрасту и уровню образования), обеспечивают статистическую надёжность, как средних значений, так и показателей дисперсии.

Теоретическая основа работы включает в себя основополагающие исследования:

а) по психолингвистике и теории языкового сознания: Н. В. Уфимцевой (2000) о языковом сознании и образе мира славян; А. А Леонтьева (2003) о слове в речевой деятельности человека; А. А. Залевской (2010) о значении слова в зеркале психолингвистического портретирования; Ю. Н. Караулова (1999; 2014) об активной грамматике и ассоциативно-вербальной сети; И. А. Стернина и А. В. Рудаковой (2011) о психолингвистическом значении слова и его описании;

б) по гендерной лингвистике: А. В. Кирилиной (1999) о лингвистических аспектах изучения гендера; Е. И. Горошко (2003) о гендерной парадигме в языковом сознании;

в) по когнитивной семантике и теории стереотипов: Э. Рош (Rosch, 2008) о принципах категоризации в когнитивной науке; М. Ю. Товкес (2024) о гендерном стереотипе как формате знания; Дж. Лакоффа (Lakoff, 1987) о прототипах, когда категории строятся вокруг типичных случаев, распространяясь затем на менее типичные; Дж. Батлер (Butler, 1993) о дискурсивных пределах «пола»; А. Бранднера о наименованиях женских лиц в русском языке (2020) и особенностях выражения категории рода у одушевленных существительных в русском и чешском языках (2003);

г) по феминистской лингвистике как отдельного раздела гендерной лингвистики: И. В. Фуфаевой (2020) о феминитивах – их истории, устройстве и конкуренции; Р. Акташ и Ж. Толысбаевой (2025) о лингвистических категориях гендерных норм; Л. В. Копоть (2024) о гендерно маркированной лексике в интернет-дискурсе; Д. Е. Косенко (2023) о феминитивах в молодёжных русскоязычных СМИ.

Методология исследования включает проведение психолингвистического эксперимента для выявления гендерной принадлежности нейтральных наименований лиц с репрезентативной выборкой нереферентных наименований лиц (107 единиц) и количеством респондентов (300 лиц мужского и женского пола в равном соотношении) с использованием количественных методов – шкалы Ликерта (Likert, 1932), цель которого – точно определить степень когнитивной оценки, выявляя в данном случае явную и скрытую маскулинность, и дисперсионного анализа (Fisher, 1958; Ерофеева, 2007), который направлен на сравнение средних значений двух выборок и позволяет выявить отсутствие устойчивого стереотипа в случаях, когда среднее значение сохраняет маскулинную ориентацию.

Используемая методика носит комплексный характер и определяется двумя параметрами: предметом исследования (скрытая маскулинизация как когнитивный феномен) и совокупностью количественной верификации и качественных наблюдений.

Практическая значимость данного исследования определяется его результатами, которые могут быть использованы в лекционных курсах по психолингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии и гендерной лингвистике, а также при изучении студентами-лингвистами экспериментальных методов анализа в языке.

Кроме того, результаты исследования могут найти применение на практических занятиях по русскому языку, а также при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Обсуждение и результаты

В основе данного исследования лежит изучение языкового сознания посредством применения психолингвистических методов анализа, описанных в трудах выдающихся российских и зарубежных языковедов, внесших существенный вклад в развитие данной теории, предложив свое видение, а также подходы к его изучению и описанию.

В исследованиях Н. В. Уфимцевой (2000) языковое сознание рассматривается как многоуровневая система, которая включает перцептивную, концептуальную и процедурную составляющие. Анализ семантических структур лексики, как считает исследователь, помогает понять его архитектонику.

А. А. Залевская (2010) в своем труде представила языковое сознание как динамическую систему, которая формируется на основе опыта человека и его ассоциаций. Разработанный ею комплексный подход с проведением ряда психолингвистических экспериментов направлен на анализ языковых значений в контексте социально-культурных изменений.

Идею о представлении языкового сознания как ассоциативно-вербальной сети выдвинул А. А. Леонтьев (2003), которую впоследствии развивал и совершенствовал Ю. Н. Караулов (1999; 2014), выделяя синтагматические и парадигматические отношения как реакции на слова-стимулы в ассоциативных экспериментах с целью изучения языкового сознания носителя русского языка.

Еще одним достижением в изучении языкового сознания стала разработанная И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой (2011) методология анализа психолингвистического значения слова (в корне отличающегося от лексикографического значения) при помощи ассоциативных экспериментов, которые позволяют выявлять многогранные составляющие лексики и обогащать понимание семантики.

Следующая теоретическая составляющая нашего исследования объединяет гендерную лингвистику и концепцию гендерных стереотипов, которые можно считать междисциплинарными, так как они распространяются на такие дисциплины, как психология, социология и языкознание, что способствует детальному изучению языка и культуры в плане формирования гендерной идентичности.

Достоинством изучения гендерных стереотипов в языке по А. В. Кирилиной (1999) стал их асимметричный характер, который охватывает все уровни языковой системы и оказывает значительное влияние на семантические, морфологические и прагматические аспекты языка. Автор утверждает, что преимущественно доминируют мужские коннотации, женские формы обычно образуются от мужских, а негативные коннотации чаще всего отражены в женских наименованиях лиц по профессии, например *врач – врачиха*.

Другой исследователь гендерных стереотипов Е. И. Горошко (2003) постаралась доказать, что гендерные особенности языкового сознания формируются под воздействием биологических и социальных факторов, воздействующих на ассоциативное поведение представителей разных гендеров, которое, в свою очередь, различается степенью стереотипизации ассоциаций в стратегиях реагирования. Выводом ее исследования стало то, что гендерные различия в когнитивных процессах обусловлены комплексным воздействием биологических и социальных детерминант, что раскрыло природу гендерных стереотипов и их влияние на языковое сознание.

Третья составляющая настоящего исследования – это когнитивная семантика, изучающая способы, посредством которых язык отражает и формирует когнитивные процессы, а также моделирует структуру языкового сознания.

К таким работам следует отнести теорию прототипов Э. Рош (Rosch, 2008), утверждающей, что категории, в том числе гендерные, не имеют четко определенных границ и не описываются строгими правилами. Вместо этого они организованы вокруг прототипа – наиболее типичного представителя данной категории, который служит основой для когнитивного восприятия. Было доказано, что в гендерных категориях «мужчина» и «женщина» есть представители, которые имеют явные прототипические характеристики и воспринимаются как наиболее характерные; но есть и другие, которые заметно отличаются от первых. Так, в диссертации М. Ю. Товкес (2024) теория прототипов служит основой для анализа гендерных характеристик языкового сознания и гендерных стереотипов. Выявленные исследователем когнитивные модели помогают реконструировать признаки мужественности и женственности, а также обнаружить тенденции речевой вариативности в современном русском языковом сознании.

Изучение гендерных стереотипов через теорию идеализированных когнитивных и метонимических моделей, где стереотип «типичной матери» служит метонимическим заместителем всей гендерной категории, создавая прототипический эффект, предпринял Дж. Лакофф (Lakoff, 1987).

Исследования чешского лингвиста А. Бранднера (2003; 2020) позволили выявить следующую закономерность: в русском и чешском языках номинации женщин часто зависят от номинаций мужчин и это усиливает дисбаланс в языке и культуре.

Концепцию гендера как перформативного процесса, который определяется социальными нормами, разработала Дж. Батлер (Butler, 1993), особо подчеркивая его динамичность и представляя гендер как регулярное воспроизведение поведенческих моделей, формирующих гендерные идентичности.

Среди работ, посвящённых феминистской лингвистике как одному из подразделов гендерной лингвистики, следует выделить следующие.

И. В. Фуфаева (2020) в своей книге тщательно проанализировала феминитивы как лингвистические маркеры женского пола и диахронически продемонстрировала их стилистическую вариативность – от нейтрального использования до ироничного, пренебрежительного и устаревшего значения.

Исследование Л. В. Копоть (2024) посвящено феминитивам как фундаментальному инструменту трансформации гендерной типизации, который эффективно противодействует андроцентризму и языковой асимметрии. Фокус автора направлен на деконструкцию андроцентризма и изучение увеличивающихся по количеству использования феминитивов в интернет-пространстве, а также на их морфосинтаксические и прагматические характеристики.

Р. Акташ и Ж. Толысбаева (2025) выявили и подробно описали ряд тактик, направленных на трансформацию гендерных стереотипов, включая использование феминитивов, полное устранение гендерной маркировки и гибридные формы, сочетающие феминитивы и маскулинитивы. Их исследование обосновало процесс эволюции гендерных норм и растущую толерантность в русском языковом сообществе.

Еще одно исследование, направленное на выявление роста частотности и функций феминитивов в «женских» интернет-изданиях (Косенко, 2023), выявило увеличение последних и зависимость от аудитории и политики СМИ. Было обнаружено, что вариативность в соцсетях продолжает расти, на что явно указывает конфликт между нормативными и новыми употреблениями феминитивов.

При изучении гендерных стереотипов большинство отечественных и зарубежных ученых прибегает к психолингвистическим методам исследования.

Так, исследования Ш. М. Кеннисон и Дж. Л. Троф (Kenninson, Trofe, 2003) экспериментально продемонстрировали, что гендерные стереотипы активируются автоматически при восприятии лексических единиц. С. А. Даффи и Дж. А. Кир (Duffy, Keir, 2004) установили, что такого рода стереотипы обладают адаптивными свойствами и могут модифицироваться в зависимости от контекста. А. Гарнхэм, Дж. Оукхилл и Д. Рейнольдс (Garnham, Oakhill, Reynolds, 2002) обнаружили, что информация о гендере, связанная с профессиональной ролью, активируется мгновенно. Французские и испанские ученые М. Т. М. Састре, Э. Фукро, В. Ижье, Н. Сальваторе, Э. Мюлле (Sastre, Fouquereau, Igier et al., 2000) установили, что восприятие гендерной типизации профессий различается в культурах: в США профессии воспринимаются маскулинно, в Европе гендерные различия менее выражены. А. А. Яковлев и А. Гарнхэм (Garnham, Yakovlev, 2015) доказали, что в русском языке морфологическая информация и гендерные стереотипы взаимодействуют, влияя на восприятие текста. Н. А. Слюсарь и А. П. Генералова (2018) показали, что гендерные стереотипы ускоряют обработку информации, но не отменяют грамматические закономерности.

Таким образом, психолингвистические методы исследования являются весьма востребованными и доказали свою достоверность в российской и зарубежной науке.

Среди методов экспериментальных исследований гендерных стереотипов особо выделяется измерительная шкала типа Ликерта, методика регуляции чтения, айтрекинг и корпусный анализ.

Остановимся на измерительной шкале Ликерта, так как именно этот метод в сочетании с дисперсионным анализом будет применен и описан ниже. Данная шкала была разработана американским психологом Ренсисом Ликертом (Likert, 1932) как алгоритм, в который включена единица (стимул) и инструкция следующего содержания: оцените степень принадлежности стимула признаку по симметричной рейтинговой шкале. Формула вычисления: среднее арифметическое оценок – $\bar{x} = (\Sigma x_i) / n$, где x_i – балл i-го респондента, n – число респондентов. Шкалу типа Ликерта применяли в своих исследованиях многие ученые (Kennison, Trofe, 2003; Sastre, Fouquereau, Igier et al., 2000).

Ключевой работой на установление гендерного стереотипа стало исследование Ш. М. Кеннисон и Дж. Л. Троф (Kenninson, Trofe 2003), у которых в качестве стимулов использовались имена 405 английских существительных, указывающих на определённый социальный статус, а также наименования лиц по трудовой деятельности. Например, среди слов были единицы «общего» рода: *baby (ребенок), judge (судья), killer (убийца)* и слова мужского рода, не имеющие нейтральной женской параллели: *choreographer (хореограф), dentist (стоматолог), economist (экономист), medical orderly (санитар)* и т. д.

Проведение экспериментального исследования. При отборе языкового материала (из верифицированного списка с ориентацией на исследование Ш. М. Кеннисон и Дж. Л. Троф (Kenninson, Trofe, 2003) основной акцент ставился на иноязычных словах, как полностью освоенных, так и относительно недавно заимствованных, еще не прошедших полную ассимиляцию. Основу списка номинаций лиц составили 107 слов, среди которых (Островая, 2025, с. 566): нереферентные наименования с ярко выраженной идентифицирующей функцией, которые именуют лицо по его профессиональной деятельности: *ректор — директор – прокурор – дизайнер – фармацевт* и нереферентные наименования с преимущественно характеризующей функцией: *жадина – обжора – неряха*. К этому списку были добавлены несклоняемые имена существительные: *визави – протеже*.

Словообразовательные характеристики экспериментального материала. В **первой группе слов** по словообразовательной характеристике различаются: 1) образования наименований лиц по профессии с производной основой (при помощи суффиксов). Например, для некоторых, в том числе заимствованных наименований лиц по профессии, характерен процесс усложнения основ (Островая, 2025): -ор/-ёр/-ер: *директор, блогер, копирайтер*; -ир: *кассир*, -атор/-тор: *администратор, экспедитор,* -ент/-ант: *ассистент, лаборант*; -ист: *экономист*; -евт: *фармацевт;* нулевой суффикс: *аллерголог; астролог*; -тель: *водитель, заместитель*; 2) образования наименований лиц по профессии с производной основой (при помощи аффиксоидов): фри: *фрилансер*, -лог: *маркетолог*; 3) образования наименований лиц по профессии с непроизводной основой: исконно русские слова: *врач*;

заимствованные слова: *агент*; 4) образования наименований лиц по профессии (способ сложения): сложение основы и слова: *кинокритик*; сложение слов: *тур-агент, шеф-повар*; 5) образования наименований профессий (синтаксический способ): двухсловные наименования лиц по профессиональной принадлежности со связью согласование: *страховой агент*, *школьный психолог*.

Во **второй группе слов** словообразовательная характеристика нереферентных наименований с преимущественно характеризующей функцией включает в себя непроизводную словообразовательную модель: *неряха, обжора, судья*. В экспериментальном списке слов по признакам, характеризующим **область деятельности**, мы выделяем следующие единицы: 1) слова «общего» рода, среди которых: нарицательные склоняемые сущ. на -а/-я, характеризующие лицо по склонности, пристрастию к чему-либо и стилистически нейтральные: *задира, умница, недотрога; наркоман, обжора, байкер* (14 слов). Кроме того, наименования по социальному положению, статусу: *родитель, френд, протеже* (12 слов), а также нарицательные несклоняемые существительные: *визави, коуч* (4 слова); 2) распространенные традиционные профессии: *инженер, врач, библиотекарь* (55 слов); 3) новые профессии и именования лиц по трудовой деятельности: *брокер, бариста* (22 слова).

Условия эксперимента. Исследование проводилось в бумажном формате. На каждом листе была размещена инструкция следующего содержания: Оцените представленные ниже наименования лиц по 7-балльной шкале маскулинности (совокупность качеств, традиционно приписываемых или ожидаемых от мужчин) / феминности (совокупность качеств, традиционно приписываемых женщинам или ожидаемых от женщин), если 7 – только мужское, 6 – скорее мужское, 5 – нейтральное, возможно мужское, 4 – нейтральное, 3 – нейтральное, возможно женское, 2 – скорее женское, 1– только женское.

Участникам было сказано, что в данном эксперименте нет правильных или неправильных ответов, и они должны полагаться только на свое собственное мнение и личный опыт. Время работы не было ограничено, а заполнение одной анкеты составляло от 15 до 20 минут. Всего в исследовании добровольно приняли участие 300 человек (150 мужчин, 150 женщин).

Первичная обработка данных и описательные статистики. Первый этап заключался в общем подсчёте средних значений без учёта пола и возраста респондентов (путём деления суммы всех оценок по каждому слову на число анкет). Это позволило распределить все слова по трем группам: 1) гендерно-маркированные (маскулинные), 2) именования без конкретной половой отнесенности и 3) гендерно-маркированные (феминнные) номинации (Таблицы 1, 2, 3).

Таблица 1. *Гендерно-маркированные «маскулинные» (с уровнем ⩾ 4,5) (результаты представлены выборочно и сгруппированы по признакам)*

Тематическая группа профессий	Слова	Средний уровень значения
Власть и статус	*ректор, прокурор, политик, дипломат*	~4,9-5,1
Техника, риск, сила	*хакер, секьюрити, инженер, байкер, диджей, водитель*	~5,0-5,8
Деструктив/маргиналия	*гастарбайтер, наркоман, убийца*	~4,8-5,6
Лидерство, игра, соперничество	*декан, конгрессмен, лидер, тренер, игрок, забияка, задира, босс*	~4,6-4,9
Профессии интеллектуального труда	*изобретатель, шеф-повар, кинокритик*	~4,7-5,0
Неудача	*лузер*	4,47

Из Таблицы 1 видно, что наибольший гендерный маркер у слов из подгруппы «техника, риск, сила» (средний уровень до ~5,8), что подтверждает устойчивый стереотип (мужчины = технологии, технологичные и рискованные занятия). Ровно высокие значения показывают подгруппы «власти/статусность (~4,9-5,1), свидетельствуя о том, что общественное представление о власти по-прежнему маскулинно. Примечательно, что маргинальные и деструктивные роли (*наркоман, убийца, гастарбайтер*) тоже воспринимаются как «мужские», то есть маргинальность в языковом сознании также гендерно окрашена. При этом интеллектуальные, игровые и лидерские роли имеют немного более низкий, но всё равно высокий маркер (~4,6-5,0), что указывает на широкий спектр социальных ролей, закреплённых за маскулинным образом.

Таблица 2. *Гендерно-маркированные «нейтральные» (с уровнем > 3,3 < 4,5) (результаты представлены выборочно и сгруппированы по признакам)*

Тематическая группа профессий	Слова	Средний уровень значения
Профессии интеллектуального/ творческого/управленческого труда	*врач, юрист, судья, экономист, лингвист, стоматолог, эксперт*	4,23
Креатив и медиа	*блогер, фотограф, дизайнер, копирайтер, репортер*	4,02
Сфера услуг и продаж	*менеджер, риелтор, тур-агент, страховой агент*	4,02
Оценочные ярлыки («плохие качества»)	*неряха, обжора, жадина, вредина, плакса*	3,85

Нейтральная зона в среднем (4,03) заметно смещена к маскулинному полюсу – граница 4,5 ближе, чем граница 3,3. Это значит, что «нейтральность» здесь скорее номинальная: даже профессии интеллектуального/творческого/управленческого труда (4,23) респонденты чаще ассоциируют с мужчиной. Самые «женские» внутри нейтральной зоны – оценочные ярлыки (3,85): *вредина* (3,61) и *плакса* (3,41), а также *риелтор* (4) и *тур-агент – страховой агент* (3,78-4,14 соответственно).

Таблица 3. *Гендерно-маркированные «феминнные» (с уровнем < 3,3) (результаты представлены выборочно и сгруппированы по признакам)*

Тематическая группа профессий	Слова	Средний уровень значения
Сфера воспитания, образования	*библиотекарь, школьный психолог, соцработник*	2,3-3,3
Индустрия красоты	*косметолог, парикмахер, флорист, имиджмейкер, модель*	2,7-3,3
Уязвимость/слабость (оценочные)	*недотрога, умница*	2,8-3,3

Группа маскулинных слов объединяет всё, что культурно закреплено за мужчинами: власть/управление/руководство *(ректор, босс, прокурор)*, физическая сила / риск *(секьюрити, байкер)*, техника/IT *(хакер)*, агрессия/злость *(убийца, задира)*.

Нейтральная зона – самая обширная (почти 60%) – занята прежде всего профессиями интеллектуального/творческого/управленческого труда, где важна квалификация: *медицина, право, экономика, творчество, сфера продаж*. Гендер здесь «размыт» практикой: и мужчины, и женщины встречаются в этих областях деятельности в равной степени. Отдельный пласт — оценочные существительные с негативной коннотацией (*неряха, обжора, жадина*): они преобладают в середине шкалы, что говорит о том, что «плохие качества» в языковом сознании приписываются человеку как таковому, а не полу.

«Феминнные» наименования – самая малочисленная (4,67%), но семантически плотная группа: эмотивный труд и забота (*библиотекарь, школьный психолог, соцработник*), красота и телесный сервис (*косметолог, парикмахер, флорист, модель*), а также слабость-уязвимость (*недотрога, плакса*). Становится очевидным, что срабатывает классическая асимметрия: агрессия и сила – «мужское»; нежность, ранимость, эстетика ухода – «женское».

В качестве вывода можно сказать, что шкала асимметрична — маскулинных маркеров больше, чем феминнных. «Нормальным», безличным, статусным референтом остаётся мужчина; женственность маркируется лишь там, где речь идет о заботе, красоте и уязвимости.

Таким образом, из 107 предъявленных респондентам лексических единиц гендерно-маркированными «маскулинными» оказались 36 слов (33,64%): *прокурор, кинокритик, шеф-повар, клерк, секьюрити, хакер, наркоман, гастарбайтер;* гендерно-нейтральными – 58 слов (54,2%): *риелтор, эксперт, репортер, врач, блогер;* гендерно-маркированными «феминнными» – 13 слов (12,16%): *библиотекарь, косметолог, недотрога, модель, школьный психолог.*

Следующий этап работы – **проведение дисперсионного анализа**, или статистического метода, используемого для сравнения средних значений двух и более выборок. В нашем случае речь идет о 107 выборках. Данный анализ позволил определить достоверность различий в средних величинах, выявить, насколько разнятся оценки респондентов по каждому стимулу. При получении, например, среднего значения по единице *кулинар* (4,2 балла) дисперсионный анализ помог понять, были ли оценки одинаковыми или это средний показатель по 7-балльной шкале (т. е. нам удалось идентифицировать взаимодействие между переменными). Следует отметить, что ДИСП.В (дисперсия по выборке В) в программе Microsoft Excel – это статистическая функция, которая рассчитывает выборочную дисперсию, показывающую, насколько данные разбросаны относительно среднего значения: если значения сильно отличаются от среднего, дисперсия будет высокой, если плотно группируются вокруг него – низкой.

Мы выбирали ячейку для результата, затем вводили в строке формул =ДИСП.В и выделяли диапазон ячеек с нашими данными, на последнем этапе закрывали скобку и нажимали Enter.

После подсчета дисперсионного значения по каждой единице мы смогли определить среднюю дисперсию, которая рассчитывалась простым усреднением дисперсии, так как число респондентов было одинаковым для всех слов. Средняя дисперсия составляет 1,1734. Полагаем, что реакции респондентов на стимулы, у которых дисперсия ниже среднего значения, были однородными.

1. Первая группа слов, дисперсия которых ниже среднего значения, получила почти одинаковые оценки респондентов. В нее вошли следующие единицы: *мерчендайзер, автор, дизайнер, кинокритик, аллерголог, забияка, экстрасенс, репортер, фармацевт, протеже, психолог, тур-агент, хакер, собственник, вредина, ветеринар, доцент, стоматолог, жадина, обжора, демагог, врач, тьютор, судья, фотограф, клиент, промоутер, коуч, колумнист, фрилансер, редактор, ассистент, визави, хореограф, менеджер, эксперт, игрок, лидер, юзер, экономист, блогер, юрист, волонтер, хирург, родитель, маркетолог, диетолог, адвокат, школьный психолог, копирайтер, терапевт, риелтор, плакса, дистрибьютор, дипломат, корректор, политик, страховой агент, гомеопат (59 слов)*.

1.1. В данной группе среди слов (с дисперсией ниже среднего значения) были выявлены единицы, показавшие **маскулинный стереотип** по среднестатистическому показателю: *кинокритик, забияка, хакер, демагог, колумнист, игрок, лидер, хирург, адвокат, дипломат, политик* (11 слов). Таким образом, оценки этих стимулов респондентами были однородными, «мужскими», то есть в большинстве случаев 5, 6 и 7 баллов по 7-балльной шкале.

1.2. Среди слов с дисперсией ниже среднего значения было обнаружено 2 слова с феминнным стереотипом по среднестатистическому показателю: *фармацевт, школьный психолог.*

1.3. Остальные единицы из данной группы слов показали среднее значение – нейтральный стереотип (46 слов): *мерчендайзер, автор, дизайнер, аллерголог, экстрасенс, репортер, протеже, психолог, тур-агент, собственник, вредина, ветеринар, доцент, стоматолог, жадина, обжора, врач, тьютор, судья, фотограф, клиент, промоутер, коуч, фрилансер, редактор, ассистент, визави, хореограф, менеджер, эксперт, юзер, экономист,*

блогер, юрист, волонтер, родитель, маркетолог, диетолог, копирайтер, терапевт, риелтор, плакса, дистрибьютор, корректор, страховой агент, гомеопат.

2. Вторая группа слов, дисперсия которых выше среднего значения, получила неоднородные оценки респондентов. К ней респонденты отнесли следующие единицы: *задира, недотрога, прокурор, парикмахер, библиотекарь, клерк, байер, шеф-повар, кассир, модель, секьюрити, наркоман, умница, инструктор, вредина, профессор, детектив, лингвист, байкер, заместитель, водитель, дауншифтер, декан, конгрессмен, имиджмейкер, бэбиситтер, диджей, босс, ролевик, секретарь-референт, филантроп, лузер, неряха, ректор, астролог, френд, социальный работник, диспетчер, плакса, политик, убийца, стилист, брокер, косметолог, бариста, гомеопат, флорист, гастарбайтер (48 слов).*

2.1. В данной группе слов с **маскулинным стереотипом** по среднестатистическому показателю было выявлено 26 слов: *задира, прокурор, клерк, шеф-повар, секьюрити, наркоман, инструктор, профессор, детектив, лингвист, байкер, заместитель, водитель, дауншифтер, декан, конгрессмен, диджей, босс, лузер, ректор, френд, политик, убийца, брокер, бариста, гастарбайтер.*

2.2. Слов с **феминным стереотипом** по среднестатистическому показателю было выявлено 7 единиц: *парикмахер, недотрога, библиотекарь, кассир, модель, социальный работник, косметолог*.

2.3. Остальные единицы из данной группы слов показали среднее значение (нейтральный стереотип): *байер, умница, вредина, имиджмейкер, бэбиситтер, ролевик, секретарь-референт, филантроп, флорист, неряха, астролог, диспетчер, плакса, стилист, гомеопат* (15 слов).

Результаты **первой группы слов** (с **дисперсией ниже среднего значения**) могут быть объяснены: во-первых, превалированием в перечне слов, обозначающих статусные профессии и социальные роли, которые в массовом сознании традиционно связаны с лицами мужского пола (к таким стимулам относятся: *адвокат, дипломат, политик*); во-вторых, наличием слов, связанных с техникой, аналитической и публичной деятельностью (*хакер, кинокритик, колумнист*). Согласно социально-ролевому подходу, мужчины в обществе чаще ассоциируются с властью, соревновательностью и рационально-технической компетентностью, тогда как женщины – с нежностью и заботой. Поэтому профессии и социальные позиции, которые требуют смелости, лидерских качеств, высокого статуса и принятия значимых решений, чаще всего ассоциируются с мужчинами. Средние оценки в диапазоне от 5 до 7 баллов при низкой вариативности свидетельствуют о высоком уровне консенсуса среди участников опроса и устойчивости представлений о гендерной атрибуции этих ролей. Отсюда мы приходим к выводу, что полученные в эксперименте данные могут расцениваться не только как результат индивидуальных различий, но и как отражение национально-культурных стереотипов.

Полученные результаты **второй группы** слов (**с дисперсией выше среднего значения**) с высокой дисперсией свидетельствует о значительном межиндивидуальном расхождении оценок. Как известно, экспериментальные единицы в целом имеют тенденцию к сохранению преимущественно «мужской» атрибуции, однако их гендерная маркировка не является устойчивой и определенной. Это можно объяснить корреляционным периодом гендерных стереотипов в некоторых профессиях и социальных ролях, воздействием на мнения респондентов, различными толкованиями многозначных и контекстуальных слов, а также разной информированностью о новых социальных явлениях. Высокая дисперсия здесь свидетельствует о разном отношении людей, однако это не означает, что у них совсем нет общего мнения: оно постепенно меняется и пока не стало единым для всех. Таким образом, высокая дисперсия в данном контексте свидетельствует не столько об отсутствии стереотипа, сколько о его неоднородности и процессе преобразования в общественном сознании.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в языковом сознании носителя языка сохраняется устойчивый механизм **скрытой маскулинизации** наименований лиц, формально нейтральных по своей структуре. Слова, которые обозначают **социальные роли и профессии** без явных гендерных маркеров, например *инженер* или *босс,* обычно оцениваются испытуемым как «мужские», что обусловлено их гендерной семантикой, которая не задаётся грамматической формой, а проецируется на них из социального опыта. Скрытая маскулинизация проявляется не в форме слова, а в когнитивной схеме его восприятия: за нейтральным номинативом стоит прототипический мужской образ, который воспринимается как самоочевидный и потому не осознаётся как маркированный. Показательно, что группа слов с **низкой дисперсией** *(кинокритик, дипломат, тренер)* демонстрирует согласованность респондентов относительно маскулинной атрибуции, тогда как группа с **высокой дисперсией** *(бариста, политик, водитель)* отражает «соревнование» двух представлений – традиционного стереотипного и современного «уравнительного». Данная группа слов представляет собой **зону конфликта**, т. е. здесь наблюдается заметная трансформация гендерных стереотипов, а характерная для нее неоднородность оценок свидетельствует о перестраивании массового сознания. Главной причиной данной трансформации является конфликт, который можно назвать дуалистическим по своей природе. С одной стороны, это конфликт внутри языкового сознания носителей языка, раздираемых между «навязываемым» равенством и унаследованными стереотипными схемами. С другой стороны, это конфликт между языком и меняющейся социальной реальностью, в которой женщины всё активнее осваивают статусные и технические профессии, а языковое сознание инерционно сохраняет прежние прототипы. Язык в определённой степени влияет на мышление и восприятие отдельных концептов в мире.

Таким образом, скрытая маскулинизация нейтральных наименований выполняет двойную функцию – номинативную и нормативную: она закрепляет мужское начало как безальтернативную норму в профессиональной сфере и тем самым воспроизводит асимметрию гендерных возможностей.

Заключение

Полученные результаты исследования позволили нам сформулировать следующие выводы.

Изучение скрытой маскулинизации нейтральных слов связано с языковым мышлением, которое отражает наши знания через языковые структуры и совершенствуется на основе получаемого опыта и накопленных ассоциаций, которые выявляются с помощью психолингвистических методов исследования.

Асимметрии в номинативных и коннотативных аспектах языка могут быть обусловлены доминирующими гендерными установками. Экспериментально доказано, что гендерная идентичность индивида формируется под воздействием социальных норм и культурных традиций, оказывая влияние на языковые предпочтения и выбор лексики индивидуумом. И если гендерная идентичность формируется под влиянием общественных норм, то использование феминитивов демократизирует язык и противопоставляется андроцентризму. Рост употребления феминитивов в СМИ и соцсетях свидетельствует о трансформации гендерных норм.

Для достижения цели исследования – определения гендерных маркировок в наименованиях лиц с последующим выявлением лексем, характеризующихся высокой дисперсией оценок, – был проведен комплексный экспериментальный анализ.

На первом этапе исследования с применением шкалы Ликерта была выявлена асимметрия, при которой маскулинные характеристики доминировали над феминнными. В качестве эталонного, нейтрального и статусного образа берется мужчина; а женский образ прежде всего ассоциируется с заботой, нежностью, красотой и уязвимостью. Как показал ассоциативный эксперимент, из 107 предложенных респондентам слов 36 слов (33,64%) были классифицированы как маскулинные, 58 слов (54,2%) отнесены к гендерно-нейтральным, а 13 слов (12,16%) определены как феминнные.

На втором этапе эксперимента был проведен дисперсионный анализ, результаты которого позволяют нам утверждать, что нейтральные наименования лиц воспринимаются как мужские, исходя из социального опыта носителя русского языка, так как в когнитивной схеме восприятия за нейтральным номинативом стоит именно мужской образ. Слова с низкой дисперсией относятся к маскулинным, а слова с высокой дисперсией показывают конфликт между традиционными и современными эгалитарными представлениями. Этот конфликт отражает внутреннее противоречие между стремлением к равенству и стереотипами, а также несоответствие между языком и меняющейся социальной реальностью, где женщины осваивают новые профессии. Так язык формирует наше мышление и восприятие гендерных понятий.

Переосмысление этой зоны конфликта имеет прикладное значение для гендерно-чувствительной коммуникации, для сферы управления персоналом, образования и языковой политики, поскольку изменение стереотипной атрибуции слов является одним из условий изменения самих социальных представлений.

В качестве перспективного направления стоит выделить исследование частотности и лексической сочетаемости нейтральных наименований лиц, а именно: определение, с какими прилагательными, глаголами и местоимениями они чаще всего употребляются в разных типах дискурса, включая медиа и виртуальное пространство социальных сетей.

Источники | References

1. Акташ Р., Толысбаева Ж. Лингвистические категории гендерных норм (на материале квир-поэтического сборника «Под одной обложкой») // Cuadernos de Rusística Española. 2025. № 21.
2. Бранднер А. К вопросу о наименованиях женских лиц в русском языке // Новая русистика. 2020. Т. 13. № 1.
3. Бранднер А. Особенности выражения категории рода у одушевленных существительных в русском и чешском языках // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 2003. Т. 52. № A51.
4. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма: монография. М. – Харьков: ИД «ИНЖЭК», 2003.
5. Ерофеева Е. В. Вероятностные подходы в социолингвистике // Филологические заметки. 2007. Т. 2.
6. Залевская А. А. Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования (1) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 3.
7. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 8-е. М.: URSS, 2014.
9. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999.
10. Копоть Л. В. Гендерно маркированная лексика в интернет-дискурсе // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 1. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-177-184
11. Косенко Д. Е. Феминитивы в молодёжных русскоязычных СМИ // Век информации. 2023. Т. 7. № 2 (23).
12. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. Изд-е 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2003.
13. Островая Ю. С. К вопросу изучения гендерных стереотипов в классе наименований лиц // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 2 (111). https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-2111-566-568
14. Слюсарь Н. А., Генералова А. П. Грамматические характеристики и гендерные стереотипы при обработке согласования по роду в русском языке // Восьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов (Светлогорск, 18-21 октября 2018 г.) / отв. ред. А. К. Крылов, В. Д. Соловьев. М.: Ин-т психологии РАН, 2018.

15. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание: теоретические проблемы. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2011.
16. Товкес М. Ю. Гендерный стереотип как формат знания (на материале русского языка): дисс. … к. филол. н. Н. Новгород, 2024.
17. Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира: сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000.
18. Фуфаева И. В. Как называются женщины: феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: АСТ; Corpus, 2020.
19. Butler J. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of “Sex”. N. Y. – L.: Routledge, 1993.
20. Duffy S. A., Keir J. A. Violating stereotypes: Eye movements and comprehension processes when text conflicts with world knowledge // Memory & Cognition. 2004. Vol. 32. № 4. https://doi.org/10.3758/bf03195846
21. Fischer J. L. Social Influences on the Choice of a Linguistic Variant // Word. 1958. Vol. 14. № 1. https://doi.org/10.1080/00437956.1958.11659655
22. Garnham A., Oakhill J., Reynolds D. Are inferences from stereotyped role names to characters’ gender made elaboratively? // Memory & Cognition. 2002. Vol. 30. № 3. https://doi.org/10.3758/BF03194944
23. Garnham A., Yakovlev Y. The interaction of morphological and stereotypical gender information in Russian // Frontiers in Psychology. 2015. Vol. 6. Art. 1720. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01720
24. Kennison S. M., Trofe J. L.Comprehending Pronouns: A Role for Word-Specific Gender Stereotype Information // Journal of Psycholinguistic Research. 2003. Vol. 32. № 3. https://doi.org/10.1023/A:1023599719948
25. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226471013.001.0001
26. Likert R. A technique for the measurement of attitudes // Archives of Psychology. 1932. Vol. 22. № 140.
27. Rosch E. Principles of categorization // Cognitive science: in 6 vol. Los Angeles – L.: Sage Publications, 2008. Vol. 1: Perception. Object Recognition. Categorization.
28. Sastre M. T. M., Fouquereau E., Igier V., Salvatore N., Mullet E. Perception of Occupational Gender Typing: A Replication on European Samples of Shinar’s (1975) and Beggs and Doolittle’s (1993) Studies // Journal of Applied Social Psychology. Vol. 30. № 2.

Информация об авторах | Author information

RU

Влавацкая Марина Витальевна[1], д. филол. н., проф.
Островая Юлия Сергеевна[2]
[1] Новосибирский государственный технический университет
[2] Новосибирское гвардейское высшее военное командное ордена Жукова училище

EN

Marina Vitalyevna Vlavatskaya[1], Dr
Uiliia Sergeevna Ostrovaya[2]
[1] Novosibirsk State Technical University
[2] Novosibirsk Guards Higher Military Command Order of Zhukov School

[1] *vlavatskaya@list.ru,* [2] *belovayuli@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.10.2026; опубликовано online (published online): 26.11.2026.

Ключевые слова (keywords): гендерная асимметрия в языковом сознании; гендерно-маркированные и гендерно-нейтральные лексические единицы; выявление механизмов андроцентризма; зона конфликта между языковым равноправием и традиционными стереотипами; прототипическая форма как гендерно-маркированный индикатор профессии и ролевой идентичности; gender asymmetry in linguistic consciousness; gender-marked and gender-neutral lexical units; identification of mechanisms of androcentrism; zone of conflict between linguistic equality and traditional stereotypes; prototype as a gender-marked indicator of profession and role identity.